

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН: АРХАИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Х. Хадикова

Статья является первой частью запланированного фундаментального исследования самоидентификационного функционала современного осетинского этноса и содержит историко-антропологический анализ наиболее архаического пласта формирования концепции личности этнофора – осетина. На этом этапе изучения конкретных вариантов исторических трансформаций осетинского этнофорства автор обращается к наиболее ранним источникам, к мифологии и в ее рамках – к вопросу эмоционально-рациональной среды формирования личности нарта: к волевым, нравственным, интеллектуальным, эстетическим характеристикам личности, признанным в нартовском обществе образцовыми. Исследование ориентировано на тот факт, что в эпосе запечатлена историко-культурная реальность североиранских предков осетин, ставших создателями и прообразами мифологического «нартовского мира». Автор настаивает на том факте, что широкое распространение эпоса, как и прочего аланского культурного влияния на Северный Кавказ (и не только), участие алан (в той или иной степени) в этногенезе и культурогенезе разных народов является фактом, способным скорее сгладить некие разногласия, нежели обострить их.

Изучение субъектного пространства эпоса (а, соответственно, создателей эпоса), основных критериев «лучшего», «подлинного» нарта осуществляется посредством анализа классификационных для этого рыцарского мифологического этносоциума моральных концептов «честь», «жизненный долг», а также нравственного понятия «хорошее воспитание». С привлечением эпических текстов рассматриваются конкретные экзистенциальные, мотивационные и оценочные аспекты представлений нартов о самих себе, жизненных смыслах своего бытия, выявляются центральные нравственно-назидательные аспекты эпоса и свойства нартовского этнофора.

Ключевые слова: осетинский этнос, этнофор, архаический пласт, мифология, моральный концепт, исторические корни эпоса о нартах.

Цель данного исследования – выявление архаического пласта самоидентификационного функционала этнофора – осетина. Нас интересуют свойства этнофора как минимальной единицы этноса и основного его репрезентанта в процессах исторической изменчивости осетинского этноса, и эта часть изыскания посвящена наиболее раннему периоду их фор-

мирования. Подчеркнем, что эволюцию свойств этнофора необходимо учитывать в любых намерениях углубленного историко-этнологического анализа процессов этнического воспроизводства, важнейшей и неотъемлемой частью которого является глубокое понимание этнических образов, моральных мотиваций и иных субъективных понятий жизненной среды этнического бытия. Особенную актуальность этот исследовательский аспект обретает в поисках, ориентированных на выявление базовой «концепции личности» этноса и его современного этнического облика.

В этой части изучения конкретных вариантов исторических трансформаций осетинского «этнофорства» мы обращаемся к наиболее ранним источникам, к мифологии и в ее рамках – к вопросу эмоционально-рациональной среды формирования личности нарта: к волевым, нравственным и интеллектуальным характеристикам личности, признанным в нартовском обществе образцовыми. Уточним, что исследование строится в соответствии с тем положением, что в эпосе запечатлена историко-культурная реальность североиранских предков осетин, ставших создателями и прообразами нартовского мира [1]. Приемлемость подобного подхода оправдана степенью воздействия установок, порожденных нормами «архаического» периода на процессы этнической самоидентификации современных осетин [2]. Еще точнее – присутствием элементов неоархаики и неотрадиционализма в этих процессах. Претерпевая модернизационные трансформации, архаическая «норма» так или иначе влияет на культурную идентичность. Мы согласуем этот тезис с одним из концептуальных положений В.А. Тишкова о том, что культурную идентичность проецируют преимущественно три фактора: язык, история и нормы [3, 16-17] и выводами З.В. Кануковой о возможности адекватного воплощения традиций в современном этническом обществе [4]. Это касается и нравственно-нормативного ядра этнокультурного наследия [5].

Проведенные нами исследования (опрос студенческой молодежи и прицельный анализ блогосферы Северной Осетии) показали, что представления молодежи (и не только) об образе «лучшего» осетина во многом ассоциируются с ранними этапами этнической истории, с «рыцарскими» аллюзиями, зафиксированными именно в эпосе. По результатам исследований мы делаем вывод о том, что в наши дни положительно трактуется даже отчетливое осмысление позитивного потенциала этнических идеалов прошлого, не говоря уже о намерении их придерживаться в своей повседневной жизни, разумеется, насколько это возможно сейчас.

Так каковы же они, архаические духовно-этические, эстетические мотивации и ориентиры, «рыцарские» установки, запечатленные в эпосе о Нартах?

Главным жизненным смыслом нарты считают достижение личной славы и доброй памяти о себе по завершении отпущенного им земного пути.

Высокий личный авторитет и безграничное признание им обеспечивало праведное служение главному моральному принципу, создатели эпоса вложили его в уста нартовского лидера, почтенного Урузмага: «от рождения и до конца жизни своей, как бы тяжело ни сложилась судьба, надо со славой и честью пронести имя человека» [6, 313]. Или его же: «Пока глаза мои светят из-под бровей, буду поступать по чести» [7, 83]. Понятие «честь» вообще является одним из основных не только нравственных, но и социально-регулятивных концептов нартовского бытия, в тех или иных коннотациях оно постоянно присутствует в эпических текстах, в особенности посвященных экзистенциальным аспектам их жизни. На наш взгляд, именно этот концепт и должен стать центральным/пусковым в попытке выявления свойств нартовского этнофорства.

Для понимания сути субъектного пространства мифологических нартов, а, соответственно, создателей эпоса, необходимо вникнуть в суть понятия «нравственный долг», как одной из важнейших мотиваций формирования образа идеального носителя качеств этноса: «кончился срок его жизни, сполна уплачен Богу весь долг» [6, 321]. Анализ эпических текстов свидетельствует о том, что идея долга состоит в общественно значимых (социально ценных) намерениях воинов и тех их поступках, которые направлены на благо всего нартовского общества. «Долг перед Богом» равен служению обществу, а не личным амбициям, коих у нартов тоже предостаточно. В этом смысле особенно информативен тот факт, что удача сопутствует им только в тех случаях, когда их сила и бесстрашие служат общим интересам. Эту неизменно повторяющуюся по всему эпосу идею можно считать одним из основных его нравственно-назидательных мотивов, который только усиливается, оттеняясь негативными примерами: если поступки нартов мотивированы гордыней, спесью и алчностью, то даже самых именитых воинов (Сослан) постигает самая тяжелая для них кара – публичное осмеяние. К такому в высшей степени нежеланному результату нартов приводит резкое расхождение мотивации их поступков с коллективными интересами. Пытаясь спастись от унижения, прославленные нарты Сослан, Урузмаг, Хамыц молят победившего их противника о смерти.

Еще раз подчеркнем, что в своем стремлении к доброй славе во многих поколениях нарты должны быть привержены исключительно идее служения общему благу. Уже состарившийся Урузмаг (а немощь не в почете у этого мифологического, но имеющего исторических прототипов народа) после акта жестокого отторжения себя нартами все же рискует ради них своей жизнью.

Понятиями воинской чести строго ограничены и методы, которыми достигается победа: нельзя добивать раненых, атаковать со спины, нападать на мирные поселения и на тех, кто заведомо слабее и не является

взрослому воину равноценным противником. Также предусмотрено обязательное предварительное уведомление тех, на кого запланирована атака. Эти и многие другие регламентации свидетельствуют о разработанных мерах сдерживания неконтролируемой агрессии и о сформированном личностном типе нарта как конном воине – рыцаре. Уточним еще раз, что древнейшие пласты эпоса, даже с учетом многих и подчас существенных влияний, отсылают нас к идеологии и мировоззрению индоиранских воинственных культур – скифско-сарматской, аланской, т.е. к самым ранним создателям эпоса – к его фактическим прототипам [1]. Широкое распространение эпоса, как и аланского культурного влияния на Северный Кавказ (и не только), участие алан (в той или иной степени) в этногенезе и культурогенезе разных народов является фактом, способным скорее сгладить некие разногласия, нежели обострить их.

В современном нартоведении мы можем найти прецеденты анализа в том числе и этнофорства. Разумеется, без применения этого термина исследователи воссоздают образ идеального нарта, по сути обращаясь к проблеме личности как минимальной единице нартовского этносоциума [8; 9; 10; 11; 12] и др. При этом наиболее широкое освещение получил аспект субъективных характеристик героизма, в то время как исследовать проблему широко возможно только при условии изучения всех качеств и характеристик образцовой личности.

В любых попытках постижения характеристики идеальной личности целесообразно обращаться к свойственной этносу системе социализации. К народной педагогике, культивирующей строго определенные человеческие качества, соответствующие жизненным обстоятельствам и нравственным приоритетам каждого этноса. Ценность хорошего воспитания подчеркнута в эпосе: «с детства был хорошо воспитан сын Хамыца» [6, 273]. Какие конкретные личностные свойства (помимо стойкости духа, воли к победе и воинского искусства) можно расценить как доказательство «хорошего» нартовского воспитания?

Воспитание достойных младших однозначно представлено как некая сверхценность нартов, доказательство не только не впустую прожитой жизни, но и высочайшего достижения мужчины: «Когда старший Уалхаг приходит к вам на нихас, каждый из вас должен снимать шапку и класть ему под ноги. У Уалхага такой доблестный сын» [6, 462]. Отмечая тот факт, что соответствие молодого воина требованиям нартовской чести может серьезно утвердить авторитет и положение в обществе его родителя, обратимся к категориям этой самой чести. Значит к анализу критериев этнофора – полнокровного носителя сознания и ментальности этноса.

Описание социально одобренных деяний рассеяно по самым разным эпическим сюжетам: «Собрание нартов, или кто из нартов самый лучший», «Батрадз и чаша нартов Уацамонга», «Женитьба Батрадза», «Урызмаг и ци-

клоп» и пр. Не только в этих сказаниях, но и во многих других представлен своеобразный свод особенно почитаемых личностных качеств, формирование которых и составляет педагогический идеал нартов и основной смысл их воспитательных усилий. В первую очередь – это воинские качества победителя: бесстрашие и воинское искусство, самоограничения в физических потребностях и эмоциональная сдержанность в гневе, почтительность в отношении старших, в отношении женщин, согласованность мнений и действий при принятии важных решений. Подобный порядок стал залогом высокого авторитета славных героев, но главным образом – Батрадза, признанного первым среди равных. Потому что «ни одного пятна нет на чести его, и никому не позволит он совершить при себе бесчестье» [6, 312].

Немного уточнений о возрастной иерархии: помимо исключительно воинских доминант, важным качеством этнофора нарта является признание возрастного приоритета. Старшие должны являть собой личностный образец. Постоянный и самый жесткий самоконтроль есть основное качество старшего нарта. Кстати сказать, нравственное назидание в отношении этого требования содержится не в одном эпическом сюжете. В сказаниях «Как Сослан женился на Косер», «Урузмаг и Кривой уаиг» и др. строго пресечены попытки младших поколений пренебречь превосходством старших.

Основными свойствами младших поколений должно быть стремление к хорошей репутации, которая, в свою очередь, достигается «служением» старшим и спортивным усердием – победами на регулярных состязаниях молодых нартов на указанных в эпосе специальных площадках «Нарты хъазæн фæз» и «Зилахар». В состязания включены самые разные испытания: от военно-спортивных (скачки, борьба, толкание тяжестей, стрельба из лука в цель и вдаль, джигитовка и пр.) до зрелищно-эстетических (риторика, знание обычного права, мифологии, умение танцевать, петь, владеть музыкальными инструментами). Дух состязания намеренно прививали юношам, а победителей чествовали всенародно и весьма пафосно.

Здесь же необходимо уточнить, что в обществе функционировали как минимум две молодежные группы: «лучшие из нартовской молодежи прислуживали на пиру, а кто помоложе – был на посылках» [7, 138]. К старшей мужской молодежи общество относится весьма требовательно: «Лучше всеобщая погибель, чем плохое потомство» [13, 486]. В то же время в нартовских походах («балц») компетенции «младших» ограничивались охотой, приготовлением пищи, ночным дозором, разведкой, выполнением различных поручений старших и т.д. По-видимому, взрослые воины берегли своих младших. В эпосе есть упоминание и о тренировочных походах, руководит ими опытный воин: «...раз Сослан собрал нартскую молодежь и сказал: „Завтра на рассвете каждый из вас, при оружии и запасшись пи-

щей, должен явиться ко мне...” Наутро вышли в поход. Ведет Сослан нартовское войско» [6, 157].

Таким образом, в процесс воспитания молодежи вовлечен каждый авторитетный старший, в какой-то степени все нартовское сообщество. Однако в эпосе присутствует и категория самовоспитания личности, она связана с Батрадзом, официально признанным лучшим из нартов. Он обладает наиболее востребованными качествами идеального этнофора – превосходит всех отвагой, сдержанностью и самообладанием, умеренностью в еде, почитанием стариков и женщин, лояльностью к мнениям других нартов. Нарты спрашивают напрямую, как ему удалось *воспитать в себе* эти качества. Батрадз раскрывает секреты – это самоубеждение, подражание положительному примеру и регулярные тренировки. По всей видимости, не только физические.

Качеством, высоко оцениваемым у нартов, является учтивость в самом широком содержательном контексте, который включает и понимание своего уровня социальной компетентности, функциональной «занятости» в официальной коммуникации общества. Сошлемся на следующий сюжет: «Уархаг решил повидаться с ханом Аварии... Для этого случая мне нужны товарищи, – подумал он и пригласил Сослана, Хамица, Урузмага, Субалци. А их пригласил потому, что Урузмаг как старик пригодится возглавить стол. Хамиц – метко ответить, Сослан – проявить себя верхом или в стрельбе, Субалци, как младший, пригодится услужить» [13, 462–463].

Морально-поведенческая унификация, свойственная обществам военной иерархии, несколько не обезличивает персонажей эпоса о нартах, они предстают перед читателями – каждый в своей яркой и самобытной индивидуальности. Холодный ум и особенную мудрость представляет женский персонаж Мать нартов Шатана. Ее супруг Урузмаг – военачальник и образчик мудрости и подлинного красноречия, однако свой безусловный авторитет бессменного руководителя он поддерживает не без ее разумного и тактичного участия. Могущественную силу нартов воплощает Сослан – признанный герой, но своей неумной натурой он неоднократно портит себе репутацию, получая неодобрение и даже наказания, да и погиб он, по сути, в результате бестактности, допущенной в отношении неизвестной ему женщины. И честь, надежда, защита нартов – их благороднейший рыцарь Батрадз, живое воплощение высокой чести, непобедимой отваги, во многом – всепрощения своих соотечественников. Воплощением художественного таланта и эстетики является Ацамаз. И злодей Сырдон, «коварство неба и хитрость земли», подстрекатель конфликтов и источник многих бед нартов. В то же время он с помощью хитрости и щедро отпущенного ему лукавства не раз вызволяет самых именитых рыцарей. С этим персонажем также связаны острая сатира и яркий юмор.

Нартам свойственны качества креативности и стремления к знаниям. Безусловная ценность умственного и творческого развития, остроты ума, боевой смекалки зафиксирована во многих сказаниях: «Последний поход Урузмага», «Ахсартаггата и Бората – кровники», «Сослан в стране мертвых», «Сослан и гумский человек», «Как Сырдон обманул великанов» и др. Помимо этого, высоко ценится творчество и эстетика: они много поют, танцуют, а их игра на музыкальных инструментах может преобразовывать природу. В разных сказаниях на двенадцатиструнной арфе играют Батрадз, Сослан и Саууай. Художественную одаренность они превозносят, даже славная красавица Агунда, к которой сватались лучшие воины, выбрала Ацамаза, оказавшись покоренной его музыкальным талантом.

Разные сюжеты демонстрируют читателю представления о красоте, вкусе, изяществе, ухоженности, личном имидже [7, 394], антураже парадного выхода взрослого воина [13, 325].

При обращении к женским образам нартов стоит отметить их гордый и независимый нрав, умение защитить себя самостоятельно [13, 157]. За право танца с собой девушки могут потребовать от юноши свершить подвиг [13, 265]. Шатана, Акола и Агунда сами выбирают себе мужей, две последние устраивают испытания среди претендентов на свою руку. Среди «номинаций» отнюдь не только отвага, но также испытание на благородство и, что характерно, – эстетическую утонченность. Кроме того, женщины нартов не ограничены домашними делами и зачастую активно участвуют в социальной жизни, а с Шатаной связано открытое женское наставничество.

В эпосе присутствуют мотивы, указывающие, что женщины вправе самостоятельно решать судьбу своего чада. Мужчина может быть не уведомлен о наличии у него ребенка, что наиболее однозначно нашло отражение в сказании «Безымянный сын Урузмага». Укажем и на другие похожие сюжеты: «Сын Сатаны» и «Бедзенагов сын удалой Арахдзау», а в сказании «Саууай» последнее слово в решении о замужестве девушки сказано Шатаной. В мире нартовского права социальный статус женщины и ее престиж высоки. Почитание женщины входило в свод воинской чести.

Уточним и тот факт, что специфические понятия «воинской чести» отражают не только этнические, но и эпохальные особенности. Поэтому неудивительно, что образ нартовского этнофора образуют качества искусного воина / охотника, способного мыслить быстро, говорить логично и убедительно и в случае необходимости прибегнуть к боевой хитрости. Но нападение и любые боевые действия нарт – человек чести ведет в соответствии со многими ограничениями, можно сказать гуманистического содержания, о них (не полностью) упомянуто выше.

Нартовский эпос осетин является неиссякаемым источником изучения древнейших пластов скифо-сарматской культуры, их трансформации и влияния на этнический облик народов, среди которых эпос, в свое время привнесенный на Кавказ, нашел свое благотворное развитие. Представления мифологического нартовского этносоциума о благородстве и «честном имени человека», о кодексе моральных и поведенческих норм, предписанных к обязательному исполнению, отражают ментальный феномен рыцарства, мировоззрение, мораль, антураж и нормы поведения «профессионального» конного воина, являющегося серьезным историческим наследием североиранского культурного единства скифов, сарматов, алан [14]. Существует множество исследований, связывающих эпос о нартах с этногенезом алан [15] и мн. др.

Итак, воинственные героические нарты культивируют не только силу, они высоко чтят порядок, основанный на их представлениях о достоинстве и приличии. Бывает, что нарты совершают и очень дурные поступки, однако их общественный статус выстраивается в соответствии с высоким образцом чести, основные аспекты которого были рассмотрены в этой статье.

-
1. *Чибиров Л.А.* Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 464 с.
  2. *Хадикова А.Х.* Факторы неотрадиционализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект-субъектный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 3. С. 34–41.
  3. *Тишков В.А.* Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 25 с.
  4. *Канукова З.В.* Традиция в современном осетинском обществе. Владикавказ: Ир, 2018. 135 с.
  5. *Канукова З.В.* Символы и образы нартовского эпоса в современных социальных и культурных практиках // Нартоведение в XXI веке: новые парадигмы и интерпретации. Вып. 3. Владикавказ, 2015. С. 8–15.
  6. Осетинские нартовские сказания. М.–Владикавказ: Менеджер, 2010. 504 с.
  7. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
  8. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 142–243.

9. Далгат У.Б. К вопросу идеализации эпического героя (на материале кавказского эпоса) // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 146–172.
10. Дынник В.А. Нартский эпос и заветы богатырства // Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа. М.: Художественная литература, 1944. С. 6–12.
11. Таказов Ф.М. Архетипы культурного героя в осетинской мифологии // Всероссийские Миллеровские чтения. 2012. Т.3. С. 271–281.
12. Хадиков Х. Х. Очерки этнической психологии осетин. Владикавказ: СОГУ, 2015. 364 с.
13. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 495 с.
14. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 374 с.
15. Туаллагов А.А. О некоторых фольклорных «параллелях» // Kavkazforum. 2022. Вып. 9 (16). С. 87–102.

Khadikova, Alina Kh. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); khadikovaa@mail.ru

HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF PERSONALITY IN THE ETHNIC CULTURE OF THE OSSETIANS: AN ARCHAIC ASPECT.

Keywords: *Ossetian ethnos, ethnophore, archaic stratum, mythology, moral concept, historical roots of the epic about Narts.*

The article is the first part of the planned fundamental study of the self-identification functionality of the modern Ossetian ethnos and contains a historical and anthropological analysis of the most archaic layer of the formation of the concept of the personality of the ethnophore - the Ossetian. At this stage of studying the specific options for the historical transformations of the ethnophore - Ossetian, the author turns to the earliest sources, to mythology and, within its framework, to the issue of the emotionally rational environment for the formation of the personality of the Nart: to the strong-willed, moral, intellectual, aesthetic characteristics of the personality recognized in the Nart society exemplary. The study is focused on the fact that the epic depicts the historical and cultural reality of the North Iranian ancestors of the Ossetians, who became the creators and prototypes of the mythological «Nart world». The author insists on the fact that the wide distribution of the epic, as well as other Alanian cultural influence on the North Caucasus (and not only), the participation of the Alans (to one degree or another) in the ethnogenesis and cultural genesis of different peoples is a fact that can more quickly smooth out some disagreements, rather than sharpen them.

The study of the personal space of the epic (and, accordingly, the creators of the epic), the main criteria for the «best», «genuine» Nart is carried out by analyzing the moral concepts «honor», «life duty», «good upbringing» that are important for this chivalrous mythological people. With the involvement of epic texts, specific existential, motivational and evaluative aspects of the Narts' ideas about themselves, the meanings of their being are considered, the central moral and edifying aspects of the epic and the properties of the Nart ethnophore are revealed.

References

1. Chibirov, L.A. *Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi* [Ossetian Nartiada. Mythological origins and areal connections]. Vladikavkaz, Ir, 2016. 464 p.
2. Khadikova, A.Kh. *Faktory neotraditsionalizma v sovremennykh protsesakh etnicheskoi samoidentifikatsii osetin: ob'ekt-sub'ektnyi aspekt problemy* [Factors of neotraditionalism in modern processes of ethnic self-identification of Ossetians: the object-subject aspect of the problem]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre]. 2022, vol. 22, no. 3, pp. 34–41.
3. Tishkov, V.A. *Natsional'naya identichnost' i dukhovno-kul'turnye tsennosti rossiiskogo naroda* [National identity and spiritual and cultural values of the Russian people]. Saint Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2010. 25 p.
4. Kanukova, Z.V. *Traditsiya v sovremennom osetinskom obshchestve* [Tradition in modern Ossetian society]. Vladikavkaz, Ir, 2018. 135 p.
5. Kanukova, Z.V. *Simvoly i obrazy nartovskogo eposa v sovremennykh sotsial'nykh i kul'turnykh praktikakh* [Symbols and Images of the Nart Epic in Modern Social and Cultural Practices]. *Nartovedenie v XXI veke: novye paradigmy i interpretatsii* [Nart Studies in the 21st Century: New Paradigms and Interpretations]. Iss. 3. Vladikavkaz, 2015, pp. 8–15.
6. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart legends]. Moscow-Vladikavkaz, Menedzher, 2010. 504 p.
7. *Skazaniya o nartakh. Osetinskii epos* [Legends about Narts. Ossetian epic]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1978. 512 p.
8. Abaev, V.I. *Nartovskii epos osetin* [Ossetian Nart epic]. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura* [Selected works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, pp. 142–243.
9. Dalgat, U.B. *K voprosu idealizatsii epicheskogo geroya (na materiale kavkazskogo eposa)* [To the question of the idealization of the epic hero (on the material of the Caucasian epic)]. *Spetsifika fol'klornykh zhanrov* [Specificity of folklore genres]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 146–172.
10. Dynnuk, V.A. *Nartskii epos i zavety bogatyrstva* [Nart epic and testaments

of heroism]. *Skazaniya o nartakh. Iz eposa osetinskogo naroda* [Tales of the Narts. From the epic of the Ossetian people]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1944, pp. 6–12.

11. Takazov, F.M. *Arkhetipy kul'turnogo geroya v osetinskoj mifologii* [Archetypes of a Cultural Hero in Ossetian Mythology]. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Miller Readings]. 2012, vol. 3, pp. 271–281.

12. Khadikov, Kh.Kh. *Ocherki etnicheskoi psikhologii osetin* [Essays on the ethnic psychology of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2015. 364 p.

13. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos. V 3-kh kn.* [Narts. Ossetian heroic epic. In 3 books]. Moscow, Nauka, 1989, b. 2. 495 p.

14. Kardini, F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [The origins of medieval chivalry]. Moscow, Progress, 1987. 374 p.

15. Tuallagov, A.A. *O nekotorykh fol'klornykh «parallelyakh»* [About some folklore «parallels»]. *Kavkaz-forum* [Kavkaz-forum]. 2022, iss. 9 (16), pp. 87–102.